

МОТОРНАЯ лодка прыгает по водяным ухабам, зарывается носом в гребни волн. Гористые берега покрыты сплошь густым ельником, порослью березняка. Из оврагов, окутанных лесной шетиной, вырываются ручейки, как будто спеша подарить матушке-Волге свою живительную прохладу.

Лодка послушно заходит в бухточку, причаливает к мосткам.

...Здесь босоногим мальчишкой я кувырчался на прибрежной поляне, потом одним махом брал кручу...

За полвека, кажется, ничто не изменилось. Как и прежде, цветет дрема, колокольчики, а чуть правее, у ручья, — ночная фиалка. Я смотрю вверх и только теперь замечаю, как разрослись лохматые ели. К самым облакам поднялись пушистые березы.

Крутой подъем задерживает нас. Бесконечные передышки. Подходим к даче. По бокам здания прилепились пристройки. Я обхожу вокруг дома, поглаживаю потемневшие, замшелые бревна.

— Наши пеньковские строили, — раздается голос позади меня.

Оглядываясь. Человек, невеста откуда взявшийся, коренастый, в теплой куртке, в ватных брюках, с приплюснутой ушанкой на голове, глядит на меня по-приятельски и сует натруженную мозолистую руку. С минуту он молчит, переминается с ноги на ногу, окуривает меня едким махорочным дымом. Лет ему на вид под шестьдесят. Лицо, обросшее рыжей шетиной, кажется неестественно красным. Глаза слезятся.

«Наверняка с похмелья», — ду-

САМОВАР

маю я и, поздоровавшись с ним, шагаю от дома на дорожку, стараясь не замечать незнакомца.

— Это уж не сумлевайтесь. Тут тошный я. Плотничаю здесь, — слышу за спиной снова.

Впрочем, от первой фразы «наши пеньковские строили!» пахло стариной. А что если пуститься в разведку. Конечно же, интересно знать, кто и когда построил Шалаяшну дачу.

— Вздремнул малость... — говорит он как бы в оправдание за свой неряшливый заспанный вид и сладко зеваает. Мое недоверие к нему рассеивается.

Мы усаживаемся на скамейку возле газона. Пеньковский плотник, не дожидаясь моего вопроса, продолжает рассказывать наростев, то и дело затгиваясь махоркой.

— Наша деревня, Пеньки то есть, на два края делилась: смоляниновский и угаровский. Барин Смолянинов здесь на даче жил, а Угаров — кулак — ткацкое производство на ручных станках в Малых Пеньках держал. До меня это было. Но точно известно, что смоляниновские мужики враждовали с угаровскими. Даже скотину пасти врозь. Да... Не для ча сказываю, — смущается он, что хватил издалека. А потом продолжает:

— Значит, здешнюю дачу Смолянинов подарил крестнице Алексею Александровне Шулепниковой. Она продала ее Шалаяшну, а сама

уехала в Харьков. Шулепников, помещик здешний, рядом жил. В «Утешном». Сейчас в его усадьбе совхоз «Утес». Так вот, Шалаяшн не раз гостил в «Утешном». Дружил, значит, с барином. Наши мужики рассказывают, что Федор Иванович простой был. Вместе с ними косил траву, сушил сено. А вечером хороводы водил, плясал, песни пел. Шабко нравилось Шалаяшну приволье здешнее, поэтому и купил дачу-то. За глаза взял, не глядя. Недосуг, видать, приехать было из Питера. А тут возьми да и подпусти кто-то красного петуха. Спалили дачу как есть начисто. Тогда в 1914 году Шулепников нанял наших мужиков и построил эту самую дачу для Шалаяшны.

Рассказчик захлебывается куревом и долго сплевывает махорочные крошки.

— Не понравилась новая дача Федору Ивановичу. «Волгу, — grit, — не видать!» Знамо дело, что с балкона, что с окон — лес да поле, елки да палки. Так и не жил он в своей даче. Бывал только наездами. Потом за границу уехал. Время шло. Стояла дача заколоченной, всеми забытой. Мальцевские мужики возле нее на горе и под горой траву косили...

— А потом, — в голосе рассказчика заиграли веселые нотки, — чтобы добру не пропадать, открыли в ней для ивановских ткачей Дом отдыха. Шалаяшнскую дачу с обеих концов наростили, новые дома понастроили. И сейчас работки хватает...

— Заболтался совсем, — спохватывается он. — Дело есть по плотничьей части. Идти надо...

Я поднимаюсь на крыльцо деревянной дачи. От бревенчатых стен веет грустью. От того ли, что полвека назад светлые липные бревна пахли смолой, а сейчас они побурели, потрескались. А, может быть, потому, что в коридоре не видно маленькой фигурки, когда-то стоявшей возле окна...

Но что это? В одной из комнат, там, где во всю стену большой портрет бывшего хозяина дачи, на табурете — самовар. Да, да. Тот самый самовар, который в те далекие дни стоял на террасе. И мы, ватага плесских мальчишек, напол-

нив водой, грели его шишками, пили чай по очереди.

Каким чудом ушел он, не изменился ни капельки за много лет и продолжает красоваться подбоченясь, прославляя тульских умельцев! Но факт остается фактом. Чудесная реликвия — шалаяшнский самовар — хранится по сей день в доме отдыха «Порошино».

Возвращаюсь в Плес с тем же лодочником. Ветер утих. Моторка скользит словно по маслу.

Показался двухэтажный дом. Сейчас здесь средняя школа. Дом когда-то принадлежал бывшему фабриканту К. М. Грошеву. За школой — колокольня церкви Варвары Великомученицы. Эти здания увековечил Левитан на своем известном полотне «Золотой Плес». И сейчас знакомая картина оживает перед глазами. А вот и дом с мезонином, в котором жил и творил выдающийся мастер реалистического пейзажа. Но об этом в следующий раз.

И. РАЗЖИВИН.

Фото автора.

Ивановская область.

